

заменены Виолле ле Дюком и потому не идентичны оригиналам, а кроме того, они сдвинуты с тех мест, на которых находились их предшественники.

И все же стоит попробовать перевоплотиться в алхимика, прибывшего (допустим, в 1425 году) в Париж, дабы обследовать собор Парижской Богоматери в надежде найти ключи для реализации Великого Делания. Что мог он заметить? Много, в том числе и из того, что существует по сей день. Посещение нашим делателем собора Парижской Богоматери начиналось с осмотра трехчастного портала[73], буквально напичканного алхимическими скульптурами. Прежде всего там можно было видеть саму алхимию, персонифицированную женской фигурой, держащей открытую книгу (книгу мирского, профанного знания) и закрытую (книгу герметического знания, запретного для профанов), причем голова женщины касалась «небесных вод». Эта фигура ассоциировалась с лестницей Иакова, увиденной патриархом во сне, соединяющей небо с землей.

Слева на портале алхимик мог видеть величественную фигуру Бога Отца, держащего человека и ангела. К теологическому смыслу скульптурного изображения, означавшего всемогущество Бога, алхимик добавлял еще и другое, герметическое значение: эта замечательная композиция символизировала для него универсальную материю, основную влагу, которая порождает два противоположных, но дополняющих друг друга начала (философские Серу и Меркурий).

Ниже сверхнебесного мира можно было видеть двух ангелов. Что они олицетворяли собой? Всемирный дух или небесное семя, нисходящее с высшего мира, чтобы оплодотворить воздушное пространство. Еще ниже располагались символы нижнего, земного мира. А что же олицетворяли собой три детские фигурки в облаках? Три начала Великого Делания - Серу, Меркурий и Соль.

Наш воображаемый алхимик конечно же заметил бы там же, на левой части портала, символы воздуха, воды и земли. Присутствие тельца и овна символизировало два весенних месяца, имевших решающее значение для начала лабораторных операций: в марте приготавливали первичную материю, а в апреле заделывали философское яйцо, после чего операции по осуществлению Великого Делания могли начинаться.

А что означали заснувший человек и две колбы? Это, как полагал алхимик, служило олицетворением основной соли всех вещей, начала, привлекавшего универсальную жизнь.

А четыре высеченные из камня фигуры на уровне человеческого роста - что означали они? Дракон символизировал философский камень; гротескная декоративная маска должна была служить символом суфлеров и ложных алхимиков; кобель и сука - дополняющие друг друга символы постоянного и летучего, соединение которых означает осуществление «алхимической свадьбы».

Там же, на левой части портала, в простенке, наш алхимик не мог не заметить фигуру епископа (очевидно, Гийома Парижского, который, сам будучи большим знатоком герметической науки, заказал резчикам по камню выполнить все алхимические скульптуры собора Парижской Богоматери), попирающего ногами дракона.

Ниже этой символической скульптуры посетитель мог видеть два небольших круглых выступа. Они служили символами двух грубых, еще не обработанных металлических пород, какими они извлекаются из рудника; два точно таких же выступа на противоположной стороне представляли их, но уже обработанные, очищенные от шлаков; наконец, два аналогичных мотива олицетворяли окончательное очищение от примесей.

На центральном портале, слева, наш алхимик видел орла - символ Всемирного Духа; птицу Феникс - символ возрождения, олицетворявшую также красный камень; овна - указание на месяц, в котором следовало начинать операции Великого Делания; человека, держащего чашу; и, наконец, крест - символ четырех элементов первичной материи[74].

Там же, на центральном портале, «делатель» мог увидеть пять разумных дев и пять дев неразумных, расположенных по обе стороны ворот. Они олицетворяли собой, соответственно, путь успеха (ведущий к открытым воротам на небо) и превратности пути, хотя и заманчивого, однако ложного (ведущего к закрытым воротам).